

Френсис Скотт Фицджеральд Две вины

1

- Смотрите - видали ботиночки? - сказал Билл. - Двадцать восемь монет. Мистер Бранкузи посмотрел.
- Неплохие.
- На заказ шиты.
- Я и так знаю, что вы франт каких мало. Не за этим же вы меня звали?
- Совсем даже не франт. Кто сказал, что я франт? - возмутился Билл. Просто я получил хорошее воспитание, не то что иные прочие в театральном мире.
- И еще, как известно, вы красавец писанный, - сухо добавил Бранкузи.
- Конечно. Уж не вам чета. Меня девушки принимают за актера... Закурить есть? И что самое главное, у меня мужественный облик, чего уж никак не скажешь про здешних мальчиков.
- Красавец. Джентльмен. В шикарных ботинках. И везуч как черт.
- А-а, вот тут вы ошибаетесь, - заспорил Билл. - Голова на плечах, это - да. За три года - девять постановок, четыре прошли на "ура", одна провалилась. Ну при чем здесь везение?
- Бранкузи надоело слушать, он задумался, уставившись в одну точку невидящими глазами. Сидящий перед ним молодой румяный ирландец всеми порами источал такое самодовольство - не продохнуть. Но пройдет немного времени, и он, как всегда, спохватится, услышит сам себя и, устыдившись, поспешит спрятаться в свое второе "я" - этакого утонченно-высокомерного покровителя искусств по образу и подобию ультраинтеллигентов из Театральной гильдии. Между этими двумя ипостасями Билл Мак-Чесни до сих пор еще не сделал окончательный выбор, такие натуры обычно определяются годам к тридцати.
- Возьмите Эймса, возьмите Гопкинса, Гарриса - любого возьмите, продолжал разглагольствовать Билл. - Кто из них лучше меня?.. В чем дело? Хотите выпить? - спросил он, видя, что Бранкузи посматривает на стену, где висел винный шкафчик.
- Я не пью по утрам. Просто там кто-то стучит. Вы б им велели перестать. Слышать не могу, страшно действует на нервы.
- Билл встал и распахнул дверь.
- Никого нет... - начал он. - Эй! Вам чего?
- Ой, простите, - ответил женский голос. - Простите, ради бога! Я разволновалась и сама не заметила, что, оказывается, держу в руке карандаш.
- А что вам здесь надо?
- Я к вам. Секретарь говорит, что вы заняты, а у меня к вам письмо от Алана Роджерса, драматурга. Я хотела передать вам его лично.
- Мне некогда. Обратитесь к мистеру Кадорна.
- Я обратилась. Но он был не слишком любезен, а мистер Роджерс говорил...
- Бранкузи нетерпеливо пододвинул стул и посмотрел в открытую дверь. Посетительница была очень юная, с копной ослепительных золотых волос и гораздо более волевым лицом, чем можно было подумать по ее лепету. У нее был твердый характер, потому что она родилась и выросла в городке Делани, штат Южная Каролина, но откуда было знать об этом мистеру Бранкузи?
- Как же мне быть? - спросила она, без колебаний отдавая свою судьбу в руки Билла. - У меня было письмо к мистеру Роджерсу, а он вот дал мне письмо для вас.
- Ну, и что я должен сделать? Жениться на вас? - взорвался Билл.
- Я хотела бы получить роль в одном из ваших спектаклей.
- Тогда сидите тут и ждите. Я сейчас занят... Где мисс Кохалан? - Он позвонил, с порога еще раз сердито оглянулся на посетительницу и закрыл за собой дверь. Но за это время с ним произошла обычная метаморфоза, и теперь с мистером Бранкузи разговор возобновил человек, который на проблемы театрального искусства смотрит, можно сказать, просто

глазами Макса Рейнгардта.

К половине первого он уже ни о чем не помнил, кроме того, что будет величайшим на свете режиссером и что сейчас, за ленчем, он встретится с Солом Линкольном, которому все это втолкует. Он вышел из кабинета и вопросительно посмотрел на мисс Кохалан.

- Мистер Линкольн не сможет с вами встретиться, - доложила она. - Он только что звонил.

- Ах, только что звонил, - в сердцах повторил Билл. - Тогда вычеркните его из списка приглашенных на четверг.

Мисс Кохалан провела черту поперек лежащего перед нею листа бумаги.

- Мистер Мак-Чесни, вы, наверно, про меня забыли?

Билл обернулся к посетительнице.

- Да нет, - неопределенно ответил он и добавил, опять обращаясь к секретарше: - Ладно, черт с ним, все равно пригласите его на четверг.

Есть в одиночку ему не хотелось. Он теперь ничего не любил делать в одиночку, ведь для человека известного и влиятельного общество удивительно приятная вещь.

- Может быть, вы уделите мне две минуты, - снова начала рыженькая.

- Сейчас, к сожалению, не могу.

И вдруг он понял, что таких красивых, как она, не видел никогда в жизни. Он не мог оторвать от нее глаз.

- Мистер Роджерс мне говорил...

- Может, перекусим вместе? - предложил он и, дав мисс Кохалан несколько поспешных и противоречивых указаний, распахнул перед своей дамой дверь.

Они стояли на Сорок второй улице и дышали воздухом для избранных - его было так мало, что хватало всего на несколько человек. Был ноябрь, театральный сезон начался уже давно. Биллу стоило повернуть голову вправо - и там сияла реклама одного спектакля, потом влево - и там горели огни другого. Третий шел за углом - тот, что он поставил вместе с Бранкузи и с тех пор зарекся работать на пару.

Они вошли в "Бедфорд-отель", и среди официантов и служителей поднялась суматоха.

- Как тут мило, - любезно, но искренне сказала девушка.

- Актерская берлога. - Он кивал каким-то людям. - Привет, Джимми... Билл... Джек, здорово... Это Джек Демпси... Я редко сюда хожу. Больше в Гарвардский клуб.

- Так вы учились в Гарварде? Один мой знакомый...

- Да.

Он колебался. Относительно Гарварда существовали две версии, и неожиданно он выбрал ту, которая соответствовала истине.

- В Гарварде. Меня там считали деревенщиной, никто знаться со мной не хотел, не то что теперь. На той неделе я гостил у одних на Лонг-Айленде такой фешенебельный дом, боже ты мой, - так там у них двое светских молодчиков, которые в Кембридже меня в упор не замечали, вздумали панибратствовать, я им теперь, видите ли, "старина Билл".

Он еще поколебался и вдруг решил на этом поставить точку.

- Так вам что, работа нужна? - спросил он. Он вдруг вспомнил, что увидел у нее дырявые чулки. Перед дырявыми чулками он пасовал, терялся.

- Да. Иначе мне придется уехать обратно домой, - ответила она. - Я хочу стать балериной, заниматься русским балетом, знаете? Но уроки такие дорогие, вот и приходится искать работу. Заодно, я думала, немного привыкну к сцене.

- Пляски, значит?

- Нет, что вы, классический балет.

- Павлова, например, она разве не пляшет?

- Ну что вы! - Она ужаснулась, но потом продолжила свой рассказ. - Дома я занимаюсь у мисс Кэмпбелл, вы, может, быть, слышали? Джорджия Берримен Кэмпбелл. Ученица Неда Уэйберна. Она просто замечательная! Она...

- Да? - Он слушал рассеянно. - Дело нелегкое. В агентствах от актеров отбою нет, и

послушать их всех, так они что угодно могут - до первой пробы. Вам сколько лет?

- Восемнадцать.

- Мне двадцать шесть. Приехал сюда четыре года назад без единого цента в кармане.

- Ну да?

- А теперь могу хоть сегодня прикрыть лавочку, мне хватит до конца жизни.

- Честное слово?

- В будущем году устрою себе отпуск на год. Женюсь... Айрин Риккер, слышали про такую?

- Еще бы! Моя любимая актриса.

- Мы помолвлены.

- Правда?

Потом, когда они снова вышли на Таймс-сквер, Билл небрежно спросил:

- А что вы сейчас делаете?

- Работу ищу.

- Да нет же. Вот сейчас.

- Ничего.

- Может, зайдем ко мне, выпьем кофе? Я живу на Сорок шестой улице.

Глаза их встретились, и Эмма Пинкард решила, что в случае чего сможет за себя постоять.

В просторной светлой комнате-студии с огромным диваном в десять футов шириной она выпила кофе, он - виски с содовой, и его рука легла ей на плечи.

- С какой стати я должна вас целовать? - решительно сказала она. - Мы почти незнакомы, и потом вы помолвлены с другой.

- Пустяки. Она не рассердится.

- Так я и поверила!

- Вы - хорошая девушка.

- Во всяком случае, не дура.

- Ну и ладно. Оставайтесь себе хорошей девушкой.

Она поднялась с дивана и стала рядом, свежая и спокойная и ничуть не смущенная.

- Я так понимаю, что теперь мне работы у вас не получить? - беззлобно спросила она.

Он думал уже о другом - о каком-то разговоре, о репетициях, - но, поглядев, опять увидел на ней дырявые чулки. И позвонил по телефону:

- Джо, это Нахал говорит... Что, думали, я не знаю, как вы меня называете?.. Ладно, ничего... Слушайте, вы уже набрали мне трех девушек для сцены с гостями? Ну, так оставьте место, я вам сейчас пришлю одну южаночку.

И, довольный собою, гордо посмотрел на нее, чувствуя себя самым что ни на есть отличным малым.

- Прямо не знаю, как вас благодарить. И мистера Роджерса, - дерзко добавила она. - До свидания, мистер Мак-Чесни.

Он не снизошел до ответа.

2

Во время репетиций он часто приходил в театр и стоял с умным выражением на лице, будто каждого видел насквозь. На самом же деле, оглушенный собственным успехом, он воспринимал действие на сцене смутно, как в тумане, да и не особенно интересовался. В конце недели он обычно уезжал на Лонг-Айленд и гостил у своих новоявленных роскошных друзей. Бранкузи величал его не иначе как "светский лев", а он отругивался:

- Ну и что? Разве я не учился в Гарварде? Думаете, я, как вы, у зеленщика в тележке отыскался?

Новые знакомые ценили его за приятную внешность, и за легкий характер, и, конечно, за успех.

И только помолвка с Айрин Риккер омрачала его жизнь. Они давно действовали друг другу на нервы, но ни он, ни она не решались на разрыв. Как двух юных отпрысков двух

самых богатых семейств в городе уже одно их исключительное положение часто сводит вместе, так и Билл Мак-Чесни с Айрин Риккер, оба вознесенные на вершину успеха, не могли не принести друг другу дань взаимного восхищения. Но ссоры, в которых они отводили душу, становились все чаще и ожесточеннее, и конец неотвратимо приближался. Он принял облик рослого красавца Фрэнка Ллуэлина, актера, игравшего в паре в Айрин. Билл быстро понял, к чему идет дело, и взял с ними особый горько-иронический тон; через неделю репетиций отношения в труппе стали натянутыми.

А между тем Эмми Пинкард, у которой теперь хватало денег на крекеры с молоком и был приятель, водивший ее в ресторан, благоденствовала. Приятеля звали Истон Хьюз, он тоже был из Делани и учился в Колумбийском университете на зубного врача. Иногда он приводил с собою и других молодых людей, которые тоже учились на зубных врачей и страдали от одиночества, и за мизерную плату в два-три торопливых поцелуя в такси Эмми всегда могла пообедать. Как-то вечером у актерского подъезда она познакомила Истона с Биллом Мак-Чесни, и с тех пор при встрече с нею Билл всегда разыгрывал ревность.

- Я вижу, этот зубодер опять перебежал мне дорогу? Ну, ладно. Смотрите только, не разрешайте ему давать вам наркоз.

Разговаривали они не часто, но всегда смотрели друг на друга. Он, взглядывая на нее, всякий раз делал сначала большие глаза, словно встретил ее впервые, и только потом спохватывался и принимался ее дразнить. А она, взглядывая на него, видела многое - яркий, солнечный день, толпы народу на улицах; очень хороший новый лимузин у тротуара, и двое очень хорошо одетых людей в него садятся и едут туда, где все как в Нью-Йорке, только это где-то далеко и там еще гораздо веселее. Часто она жалела, что не поцеловала его тогда, но чаще радовалась, потому что проходили недели, и он забывал про любезности, привязанный, как и все они, к скрипучему колесу работы.

Премьеру назначили в Атлантик-Сити. И здесь настроение у Билла вдруг окончательно испортилось, это заметили все. Он был сух с помрежем и язвительен с актерами. А все потому, говорили в труппе, что Айрин Риккер приехала из Нью-Йорка одним поездом не с ним, а с Фрэнком Ллуэлином. Вечером во время генеральной репетиции он сидел рядом с автором в полутемном зале, и вид у него был довольно зловещий; но репетиция шла, а он хранил молчание, и только в конце второго акта, когда Ллуэлин остался на сцене вдвоем с Айрин Риккер, вдруг крикнул:

- Еще раз этот кусок! И прошу без глупостей!

Ллуэлин подошел к рампе.

- Что значит "без глупостей"? Так написано в роли.

- Сами знаете. Никакой отсебятины.

- Не понимаю.

Билл вскочил с кресла.

- Никаких перешептываний! Понятно?

- Мы и не перешептывались. Я только спросил...

- Неважно. Повторяем!

Ллуэлин в сердцах повернулся и уже готов был начать сцену, когда Билл вполне внятно произнес:

- Даже пешке надо все-таки делать, что велят.

Ллуэлин обернулся, как будто его дернули.

- Я не намерен терпеть такое обращение, мистер Мак-Чесни.

- Почему? Думаете, вы не пешка? Напрасно. Спектакль ставлю я, а вы обязаны делать, что я приказываю. - Он пошел вперед по проходу. - Если вы и этого не можете, как вас тогда называть?

- Мне не нравится ваш тон!

- Да? Ну и что же с того?

Ллуэлин спрыгнул в оркестровую яму.

- Я не потерплю! - заорал он.

- Да вы что, с ума оба сошли? - крикнула со сцены Айрин Риккер. Но Ллуэлин размахнулся и одним коротким мощным ударом отбросил Билла в партер. Билл перелетел через ряды кресел, вышиб сиденье и застрял вниз головой. Началась паника. Кто-то держал Ллуэлина, автор без кровинки в лице вытаскивал Билла, помреж со сцены орал: "Я убью его, шеф! Расквашу ему жирную морду!" Ллуэлин тяжело дышал, Айрин Риккер трепетала.

- По местам! - еще в объятиях автора, распорядился Билл, прижимая к лицу платок. - Всем вернуться на свои места. Еще раз последний кусок, и никаких разговоров! Ллуэлин, на сцену!

Никто не успел опомниться, а уже все было готово к возобновлению репетиции. Айрин Риккер тянула Ллуэлина за рукав и что-то торопливо говорила. В зале по ошибке дали свет и тут же опять приглушили. Когда был выход Эмми, она успела заметить, что Билл сидит в зале и лицо его залеплено целой маской окровавленных платков. Она была страшно зла на Ллуэлина. И ведь из-за него все могло расстроиться и пришлось бы возвращаться в Нью-Йорк. Хорошо, что Билл спас спектакль, хотя сам же его чуть не погубил. По своей воле Ллуэлин не бросит сейчас работу, это повредило бы его карьере. Второй акт доиграли и сразу, без перерыва, приступили к третьему. А когда кончили, Билл уже уехал.

На следующий вечер, во время премьеры, он сидел на стуле в кулисах на виду у всех, кто проходил на сцену или со сцены. Лицо у него распухло, под глазом разлился синяк, но видно, было, что ему не до того, и обошлось без язвительных замечаний. Один раз после антракта он вышел в зал, потом вернулся, и тотчас же распространился слух, что от двух нью-йоркских агентств поступили выгодные предложения. Он опять добился успеха - они все добились успеха.

Сердце Эмми захлестнула волна признательности к этому человеку, которому они все стольким были обязаны. Она подошла и поблагодарила его.

- Да, я умею сделать верный выбор, рыжик, - сумрачно ответил он.

- Спасибо вам, что выбрали меня.

И неожиданно для себя самой Эмми опрометчиво добавила:

- Ой, как у вас разбито лицо! Я... по-моему, с вашей стороны было так благородно, что вы не дали вчера всей нашей работе пойти насмарку.

Минуту он испытующе разглядывал ее, потом на его распухшем лице появилось подобие иронической улыбки.

- Вы мною восхищаетесь, детка?

- Да.

- И вчера восхищались, когда я полетел вверх тормашками?

- Зато как быстро вы навели порядок.

- Вот это преданность! В таком дурацком положении и то нашла чем восхищаться.

- Все равно, - восторженно вздохнула она. - Вы держались просто замечательно.

Она стояла перед ним, такая юная, свежая, что ему вдруг захотелось после долгого, трудного дня прижаться распухшей щекой к ее щеке.

С этим желанием и с синяком под глазом он назавтра уехал в Нью-Йорк; синяк рассосался, а желание осталось. Потом они перебрались играть в Нью-Йорк, и как только он увидел, что вокруг нее теснятся другие мужчины, привлеченные ее красотой, для него весь этот спектакль стал - она, и этот успех - она, и в театр он теперь приезжал ради нее одной. Спектакль играли весь сезон, а когда закрылись, Билл Мак-Чесни слишком много пил и особенно нуждался в участии близкого человека. Неожиданно в начале июня в Коннектикуте они поженились.

3

Двое сидели в баре лондонского "Савоя" и убивали время. Подходил к концу месяц май.

- И симпатичный он парень? - спросил Хабл.

- Очень, - ответил Бранкузи. - Очень симпатичный, очень красивый, и все его любят.

Помолчав, он добавил:

- Вот хочу вытащить его домой.
- Не понимаю, - сказал Хабл. - Разве здешние театры могут сравниться с нашими? Чего он здесь торчит?

- Он водит дружбу с герцогами и графинями.

- А-а.

- На той неделе я его встретил, с ним были три важные дамы: леди Такая-то, леди Сякая-то и, леди Еще Какая-то.

- Я думал, он женат.

- Уже три года, - сказал Бранкузи. - Есть ребенок, ждут второго.

Он замолчал, потому что в эту минуту вошел Билл Мак-Чесни. На пороге он демонстративно огляделся по сторонам - у него было очень американское лицо и высоко подложенные плечи.

- Алло, Мак. Познакомьтесь, это мой друг, мистер Хабл.

- Привет. - Билл сел и продолжал разглядывать присутствующих. Хабл вскоре ушел. - Что за птица? - спросил Билл.

- Так один, только месяц как приехал и титулом не успел обзавестись. Вы вон тут уже полгода болтаетесь.

Билл ухмыльнулся.

- Считаете, что низкопоклонствую? Зато не лицемерю. Мне это по сердцу, нравится мне, понятно? Хорошо бы, и меня тоже звали, скажем, маркиз Мак-Чесни.

- Попробуйте, может, допьетесь и до маркиза, - сказал Бранкузи.

- Еще чего! Откуда вы взяли, что я пью? Вот, значит, теперь какие разговоры обо мне ходят? Послушайте, назовите мне за всю историю театра хоть одного американского продюсера, который имел бы в Лондоне такой же успех, как я, за неполных восемь месяцев, и я завтра же уезжаю с вами обратно в Америку. Вы только сами скажите...

- Успех имеют ваши старые постановки. А в Нью-Йорке у вас две последние работы провалились.

Билл встал, стиснул зубы.

- А вы кто такой? - мрачно спросил он. - Вы специально из Америки приехали, чтобы так со мной разговаривать?

- Напрасно обижаетесь, Билл. Просто я хочу, чтобы вы вернулись домой. Ради этого я готов что угодно сказать. Выдайте еще три таких сезона, как в двадцать втором и двадцать третьем, и вы обеспечены на всю жизнь.

- Да ну его к черту, этот Нью-Йорк, - хмуро ответил Билл. - Там один день ты король, потом делаешь две промашки, и все начинают болтать, что твоя песенка спета.

Бранкузи покачал головой.

- Не поэтому. Так стали поговаривать, когда вы расплевались с Аронсталем, вашим лучшим другом.

- Тоже мне друг!

- Ну, ближайший сотрудник. И потом...

- Не будем об этом говорить. - Билл посмотрел на часы. - Да, вот что, Эмми, к сожалению, плохо себя чувствует, так что, боюсь, с сегодняшним обедом у нас ничего не выйдет. Обязательно загляните в мою контору перед отъездом.

Пять минут спустя, стоя у табачного ларька, Бранкузи увидел, как Билл снова вошел в вестибюль "Савоя" и спустился в чайную.

"Дипломатом стал, как я погляжу, - подумал о нем Бранкузи. - Раньше, бывало, говорил прямо, что, мол, иду на свидание. Понабрался тут лоску от герцогов и графинь".

Возможно, он слегка обиделся, хотя вообще-то был не из обидчивых. Во всяком случае, он тут же, не сходя с места, заключил, что Мак-Чесни катится по наклонной плоскости, и раз навсегда вычеркнул его из своего сердца, что было вполне на него похоже.

А никаких признаков, что Билл катится по наклонной плоскости, не было. Одна удачная постановка в "Новом Стрэнде", другая - в "Театре принца Уэльского", и

еженедельные поступления текли почти так же обильно, как в Нью-Йорке два-три года назад. Разве энергичный, деловой человек не вправе переменить район операций? А человек, который час спустя входил, торопясь к обеду, в свой дом возле Гайд-парка, не достиг еще и тридцати и был полон энергии. Эмми, измученная, беспомощная, лежала на кушетке в верхней гостиной. Он обнял ее и прижал к себе.

- Осталось немножко, - сказал он ей. - Ты очень красивая.

- Не смей меня.

- Правда. Ты всегда красивая. Не знаю, почему. Наверно, потому, что у тебя сильный характер, и это всегда видно, даже когда ты вот такая.

Ей было приятно, что он так говорит; она провела пальцами по его волосам.

- Характер - самое главное в человеке, - продолжал он. - А у тебя его хватит на семерых.

- Ты виделся с Бранкузи?

- Да. Ну его к черту. Я решил не привозить его к обеду.

- Почему?

- Да так... очень разважничался. Говорит о моей ссоре с Аронсталем, будто это я во всем виноват.

Она помолчала, поджав губы, потом тихо сказала:

- Ты подрался с Аронсталем, потому что был пьян.

Он вскочил.

- И ты тоже?..

- Нет, Билл, но ты и теперь слишком много пьешь, ты сам знаешь.

Он знал, но постарался переменить тему, и они спустились к обеду. За столом, разогретый бутылкой красного вина, он вдруг заявил, что с завтрашнего дня вообще не возьмет в рот спиртного, пока она не родит.

- Я ведь захочу - всегда могу перестать пить, разве нет? И если я что сказал, значит, так и будет. Ты видела хоть раз, чтобы я пошел на попятный?

- Не видела.

Они выпили кофе, потом он собрался уходить.

- Возвращайся пораньше, - сказала Эмми.

- Конечно... Что с тобой, детка?

- Ничего. Просто плачу. Не обращай внимания. Да уходи же, ну что ты стоишь как дурак?

- Но я беспокоюсь, разве не понятно? Не люблю, когда ты плачешь.

- Ну, просто я не знаю, куда ты уходишь по вечерам; не знаю, с кем ты. И эта леди Сибил Комбринк, что все время сюда звонила. Чепуха все, я понимаю, но я просыпаюсь ночью, и мне так одиноко, Билл. Ведь мы всегда были вместе, правда? До недавних пор.

- Мы и теперь вместе... Что это на тебя нашло, Эмми?

- Это все бред, я знаю. Мы ведь никогда не предадим друг друга, да? Как до сих пор...

- Ну, конечно...

- Возвращайся пораньше или когда сможешь.

Он заехал на минутку в "Театр принца Уэльского", потом пошел в соседнюю гостиницу и позвонил по телефону.

- Нельзя ли попросить ее светлость? Это говорит мистер Мак-Чесни.

Голос леди Сибил ответил не сразу.

- Вот так сюрприз. Я уже несколько недель не имела удовольствия вас слышать.

Тон ее был резок, как удар хлыста, и холоден, как домашний ледник, такая манера вошла в моду с тех пор, как английские дамы стали подражать своим портретам из английских романов. На него это сначала производило впечатление. Но недолго. Голову он не терял.

- Не было ни минуты свободной, представляете? - ответил он. - Вы на меня не дуетесь, надеюсь?

- Дуюсь? Я вас не понимаю.

- А я боялся, что дуется. Даже не прислали мне приглашение на сегодняшний бал. Я считал, раз мы тогда обо всем переговорили и согласились...

- Говорили - вы, и довольно много, - прервала его леди Сибил. Пожалуй, даже чересчур много.

И неожиданно, к изумлению Билла, повесила трубку.

Подумаешь, британская леди, разозлился он. Скetch под заглавием "Дочь Тысячи Пэров".

Он был задет, это подчеркнутое безразличие подогрело его угасший был интерес. Обычно женщины прощали ему непостоянство, так как знали о его трогательной преданности жене, и сохраняли о нем грустные, но приятные воспоминания. Ничего подобного в голосе леди Сибил он не услышал.

Надо выяснить отношения, сказал он себе. Будь на нем фрак, он мог бы заехать к ней на бал и объясниться. Но ехать домой переодеваться не хотелось. Чем больше он размышлял, тем неотложнее представлялся ему этот разговор; под конец он стал подумывать, что, может быть, стоит поехать прямо так, в чем был; американцам позволялись некоторые вольности в одежде. Впрочем, пока еще было рано, и следующий час он провел в обществе нескольких стаканов виски с содовой, всесторонне обдумывая ситуацию.

Ровно в полночь он поднялся по ступеням к дверям ее особняка в Мэйфэре. Лакеи в гардеробе укоризненно разглядывали его пиджак, а швейцар безуспешно искал его фамилию в списке приглашенных. По счастью, в это же время подъехал его добрый знакомый сэр Хамфри Данн и убедил швейцара, что произошло какое-то недоразумение.

Переступив порог. Вилл сразу же стал высматривать хозяйку дома.

Леди Сибил, молодая женщина очень высокого роста, была наполовину американка и оттого еще больше англичанка, чем кто бы то ни было. Билла Мак-Чесни она, в каком-то смысле, открыла, скрепив своим именем его репутацию обаятельного дикаря; его измена нанесла удар по ее самолюбию, какого она еще не испытывала с тех пор, как ступила на стезю порока.

Она здоровалась с прибывающими гостями, стоя наверху лестницы рядом с мужем, - Билл никогда раньше не видел их вместе. Он решил подождать и потом подойти к ней в менее торжественной обстановке.

Но гости шли и шли, и ему с каждой минутой становилось все неудобнее. Знакомых вокруг почти не было; к тому же его пиджак явно привлекал внимание. Леди Сибил, конечно, видела его и могла бы помахать рукой, он бы тогда не чувствовал себя так по-идиотски. Но леди Сибил не показывала вида, что знает о его присутствии. Он уже не рад был, что пришел, однако теперь уйти было бы и вовсе нелепо. Он пробрался к буфетному столу и подкрепился бокалом шампанского.

А когда снова обернулся, она стояла наконец одна. Он устремился было к ней, но его остановил дворецкий:

- Прошу прощения, сэр. У вас есть пригласительная карточка?

- Я Друг леди Сибил, - раздраженно ответил Билл и пошел через зал.

Дворецкий догнал его.

- Очень сожалею, сэр, но должен просить вас пройти со мною и выяснить это недоразумение.

- Незачем. Я сейчас пойду поговорю с леди Сибил.

- У меня другие предписания, сэр, - твердо возразил дворецкий.

И не успел Билл опомниться, как ему ловко прижали локти к бокам и проворно провели в какую-то комнатку позади буфета.

Здесь его встретил человек в пенсне, Билл узнал в нем домашнего секретаря Комбринков.

Секретарь, кивнул дворецкому, сказал: "Да, этот самый", - и Биллу отпустили руки.

- Мистер Мак-Чесни, - произнес секретарь, - вы сочли уместным проникнуть в этот дом

без приглашения, и его светлость просит вас немедленно удалиться. Будьте добры передать мне ваш номерок от гардероба.

Тут Билл наконец понял. С его губ сорвалось единственное слово, подходящее, по его мнению, для леди Сибил; в тот же миг секретарь подал знак двум лакеям, и отчаянно отбивающегося Билла поволокли через буфетную, где на него с любопытством оглядывались официанты, потом длинным коридором до дверей - и вытолкали в ночь. Двери захлопнулись; потом еще раз отворились, вслед за ним, надувшись парусом, вылетело его пальто, по ступенькам со стуком скатилась трость.

Он еще стоял там, ошарашенный, потрясенный, когда перед ним затормозило свободное такси, и шофер, приоткрыв дверцу, позвал:

- Эй, хозяин! Голова-то не болит?

- Что?

- Я знаю местечко, где можно опохмелиться. И поздний час не помеха.

Дверца такси захлопнулась за ним, и начался кошмар. Какое-то подпольное ночное кабаре; какие-то чужие люди, неизвестно откуда взявшиеся; потом какой-то скандал, он попытался расплатиться чеком и вдруг стал громко кричать, что он - Уильям Мак-Чесни, знаменитый режиссер, но никого не мог убедить, ни других, ни самого себя. Сначала было очень важно немедленно связаться с леди Сибил и призвать ее к ответу; потом уже вообще ничего не было важного. Он опять сидел в такси, шофер тряс его за плечи, и перед ним был его собственный дом.

В холле, когда он входил, раздался телефонный звонок, но Билл тупо прошел мимо горничной и расслышал ее голос, только уже поднимаясь по лестнице.

- Мистер Мак-Чесни, это опять из больницы. Миссис Мак-Чесни у них, они звонят каждый час.

Все еще как в тумане, он приложил трубку к уху.

- Говорят из Мидлендской больницы по поручению вашей жены. Она разрешилась сегодня в девять часов утра мертворожденным младенцем.

- Постоите, - хриплым, ломающимся голосом сказал он. - Я не понимаю.

Но потом он все же понял: у Эмми родился мертвый ребенок, и она зовет его. На подкашивающихся ногах он снова вышел на улицу искать такси.

В палате стоял полумрак. Постель была скомкана. Эмми подняла голову и увидела Билла.

- Это ты, - сказала она. - Господи, я думала, тебя нет в живых. Где ты был?

Он упал на колени возле кровати, но Эмма отвернулась.

- От тебя разит, - сказала она. - Противно.

Но пальцы ее остались у него на волосах, и он долго, не двигаясь, стоял перед ней на коленях.

- Между нами все кончено, - чуть слышно говорила она. - Но как было жутко, когда я думала, что ты умер. Все умерли. Пусть бы и я умерла.

Ветром откинуло штору на окне, он поднялся поправить ее, и Эмми увидела его в ясном свете утра - бледного, страшного, в мятом костюме, с разбитым лицом. На этот раз она чувствовала озлобление против него, а не против его обидчиков. Чувствовала, что его образ уходит из ее сердца и на этом месте возникает пустота, и вот его уже нет для нее, и она даже может простить, может его пожалеть. И все - за какую-то минуту.

Она упала у больничного подъезда, когда одна выходила из такси.

4

Когда Эмми оправилась физически и душевно, ею овладело неотступное желание учиться балету - давняя немеркнущая мечта, которую зароняла в ней мисс Джорджия Берримен Кэмпбелл из Южной Каролины, манила, точно светлый путь, уводящий назад, к ранней юности и к нью-йоркским дням радости и надежды. Под балетом она понимала ту изысканную совокупность извилистых поз и формализованных пируэтов, которая, родилась в Италии несколько столетий назад и достигла расцвета в России в начале нынешнего века.

Она хотела приложить силы к тому, во что могла верить, ей представлялось, что танец - это возможность для женщины выразить себя в музыке; вместо сильных пальцев тебе дано гибкое тело, чтобы исполнять Чайковского и Стравинского; и ноги в "Шопениане" могут быть не менее выразительны, чем голоса в "Кольце Нибелунгов". В низших своих проявлениях балет - это номер в цирковой программе между акробатами и морскими львами; в высших - Павлова и Искусство.

Как только они устроились в нью-йоркской квартире, она с головой погрузилась в работу. Занималась неумоимо, как шестнадцатилетняя девочка, - по четыре часа в день у станка, позиции, антраша, пируэты, арабески. Это стало основным содержанием ее жизни, и единственное, что ее беспокоило, не поздно ли? Ей было двадцать лет, и приходилось наверстывать за десять лет, но у нее было пластичное тело прирожденной балерины - и это прелестное лицо...

Билл поощрял ее занятия; он собирался, когда она выучится, создать для нее первый настоящий американский балет. По временам он даже немного завидовал ее увлеченности; его собственные дела после возвращения на родину шли не блестяще. Во-первых, он нажил себе много врагов еще в годы своей самоуверенной молодости; ходили преувеличенные рассказы о том, как он много пьет, как груб с актерами и как с ним трудно работать.

Не в его пользу было и то, что он никогда не мог отложить денег и для каждой новой постановки вынужден был искать финансовую поддержку. А кроме того, он был на свой лад настоящим тонким художником, что и не побоялся доказать рядом некоммерческих постановок, но, поскольку за ним не стояла Театральная гильдия, все потери он должен был возмещать из собственного кармана.

Успехи тоже были; но давались, они теперь труднее - или это было обманчивое впечатление, просто сказывался нездоровый образ жизни. Он все собирался поехать отдохнуть, собирался поменьше курить, но в театральном мире была такая конкуренция, с каждым днем появлялись новые деятели, пользующиеся славой непогрешимых, да и не привык он к размеренной жизни. Он любил работать запоем, в чаду вдохновения и черного кофе, как принято в театре, но после тридцати лет за это приводится дорого платить. Так получилось, что он постепенно стал все больше опираться на Эмми, на ее физическое здоровье и душевные силы. Они постоянно были вместе, и если его все же смущало, что он нуждается в ней больше, чем она в нем, то ведь у него еще все могло перемениться к лучшему - в будущем месяце, в следующем сезоне.

Однажды ноябрьским вечером Эмми возвращалась из балетной школы, помахивая своей серенькой сумочкой, низко надвинув шляпу на отсыревшие волосы, - вся во власти приятных мыслей. Она знала, что уже несколько недель люди приходят в студию специально, чтобы посмотреть на нее. Она была готова для выступлений. Когда-то с такой же настойчивостью и так же долго она трудилась над своими отношениями с Биллом, и тогда это кончилось срывом и болью; но теперь ей не от кого было опасаться предательства, здесь она полагалась только на себя. И она с замиранием сердца говорила себе: "Неужели вот оно? Неужели я наконец буду счастлива?"

Она торопилась. Были кое-какие обстоятельства, которые ей хотелось обсудить с Биллом.

Билла она застала уже в гостиной и позвала с собой наверх, чтобы поговорить, пока она будет переодеваться. Сразу, не оглянувшись на него, начала рассказывать.

- Ты только послушай! - Она говорила громко, чтобы льющаяся в ванну вода не заглушала ее голоса. - Поль Макова хочет, чтобы я в этом сезоне танцевала с ним в "Метрополитен-опера". Но окончательно еще не решено, имей в виду, поэтому - секрет, даже я ничего не знаю.

- Замечательно.

- Вот только, может быть, для меня лучше был бы дебют за границей? Во всяком случае, Донилов говорит, я готова. Ты как считаешь?

- Не знаю.

- Ты, кажется, не особенно в восторге?
- Мне тоже нужно тебе кое-что сказать. Потом. Ты продолжай.
- Все, мой милый. Если ты по-прежнему думаешь поехать на месяц в Германию, как ты говорил, Донилов берется устроить мне дебют в Берлине, но я, пожалуй, предпочла бы начать здесь и танцевать с Полем Макова. Представь себе... - Она не договорила, вдруг ощутив сквозь толстую - кожу своего довольства всю его отрешенность. - Теперь расскажи, что там у тебя.

- Я был сегодня у доктора Кирнса.
- И что он сказал? - Душа ее еще пела. Что Билл мнителен, ей было давно известно.
- Я ему рассказал про сегодняшнее кровотечение, и он опять повторил то же, что в прошлом году: что это у меня, вернее всего, лопнул какой-то сосудик в горле. Но раз я кашляю и волнуюсь, лучше на всякий случай сделать просвечивание и удостовериться. И мы удостоверились. Левого легкого у меня, в сущности, уже нет.

- Билл!
- Зато на правом, к счастью, ни одного затемнения.
Она слушала, вся похолодев.
- Сейчас мне это очень некстати, - продолжал он ровным голосом, - но ничего не подделаешь. Он говорит, что надо поехать на зиму в Адирондакские горы или в Денвер, в Денвер, он считает, лучше. И тогда через каких-нибудь полгода это должно пройти.

- Ну, конечно, мы обязательно... - Она осеклась.
- Тебе, по-моему, незачем ехать - тем более, у тебя открываются такие возможности.
- Глупости, конечно, я поеду, - поспешно возразила она. - Твое здоровье важнее. Мы ведь всюду ездим вместе.

- Право же, не стоит.
- Чепуха. - Она постаралась, чтобы ее голос звучал твердо и решительно. - Мы всегда были вместе. Разве я смогла бы здесь жить без тебя? Когда тебе ведено ехать?

- Чем раньше, тем лучше. Я зашел к Бранкузи, хотел выяснить, не перекупит ли он ричмондскую постановку. Но он не выразил особого восторга. - Билл стиснул зубы. - Правда, ничего другого у меня сейчас пока не будет, но нам хватит, мне еще следует и за...

- Как стыдно, что от меня тебе нет никакой помощи! - перебила его Эмми. - Ты работаешь, как вол, а я все это время на одни уроки тратила по двести долларов в неделю. Еще смогу ли я когда-нибудь зарабатывать такие деньги, неизвестно.

- Конечно, через полгода я буду опять совершенно здоров - так он говорит.
- Разумеется, милый! Мы поставим тебя на ноги. Надо все устроить и немедленно ехать.

Она обняла его за плечи и поцеловала.

- Вот я какая дрянная. Должна была видеть, что моему любимому худо.

Он по привычке полез за сигаретой, но не донес руки до кармана.

- Забыл - придется бросать курить.

И вдруг сумел подняться над собою:

- Нет, детка, я решил, поеду один. Ты там с ума сойдешь от скуки, а я только буду терзаться, что из-за меня ты лишилась своих танцев.

- Об этом не думай. Главное - тебя вылечить.

Так они спорили целую неделю, и при этом оба говорили все, кроме правды: что ему очень хочется, чтобы она с ним поехала, а она всей душой жаждет остаться в Нью-Йорке. Она успела разведать, что думает ее учитель Донилов, и, как выяснилось, он считал промедление для нее пагубным. Другие ученицы балетной школы строили планы на зимний сезон, и она готова была умереть, до того ей не хотелось уезжать, и полностью скрыть от Билла свои терзания ей не удавалось. У них возникла была мысль ехать все-таки в Адирондакские горы и чтобы Эмми прилетала туда аэропланом на субботу и воскресенье, но Билл тем временем начал температурить, и врач решительно предписал ему Запад.

Конец всем спорам в один ненастный воскресный вечер положил он сам - в нем взяло

верх то чувство простой человеческой справедливости, которое в свое время покорило Эмми, которое теперь, в беде, делало из него фигуру почти трагическую, как делало его в общем-то славным малым в дни успеха, несмотря на все его несносное фанфаронство.

- Это дело - мое, и только мое, детка. Я сам виноват, что довел себя до этого, характера не хватило - характер в нашей семье весь у тебя, - и теперь никто меня не спасет, если я не спасу себя сам. А ты три года трудилась, перед тобой открылись возможности, которые ты честно заслужила, если ты теперь уедешь, ты мне до конца жизни не простишь, - он усмехнулся. - А этого я не вынесу. И потом там плохо для маленького.

И она сдалась, уступила, с болью - и с облегчением. Потому что мир ее работы, в котором она существовала без Билла, оказался для нее теперь гораздо важнее, чем малый мир, где они были вместе. В нем простор для радости был шире, чем простор для сожаления в мире прежнем.

А через два дня он уже уезжал, поезд отходил в пять часов, билет лежал в кармане, и они в последний раз сидели вдвоем и говорили о будущем. Она опять настаивала на том, чтобы ехать вместе, и была искренна; прояви он хоть минутную слабость, и она бы за ним последовала. Но с ним под влиянием несчастья произошла перемена, он выказал твердость, какой за ним много лет не водилось. Быть может, разлука действительно пойдет ему на пользу.

- До весны! - говорили они друг другу.

На вокзале, при маленьком Билли, Билл большой сказал:

- Терпеть не могу этих кладбищенских расставаний. Прощаемся здесь. Мне еще до отправления надо позвонить из поезда.

За шесть лет они и двух ночей кряду не провели врозь, не считая того времени, что Эмми была в больнице; не считая эпизода в Англии, они всегда пользовались славой самой нежной и преданной пары, хотя Эмми с первых дней чувствовала что-то ненадежное и угрожающее в такой рекламе. И когда Билл один прошел на перрон, Эмми была рада, что ему нужно позвонить, что он там сейчас сидит и ведет деловой разговор.

Она была хорошая женщина; она вышла за человека, которого любила всем сердцем. И на Тридцать третьей улице ей теперь показалось, будто вокруг нее пустыня; квартира, за которую он платил, тоже без него опустеет; а вот она, Эмми, осталась здесь, и ей будет хорошо.

Она прошла несколько кварталов и остановилась. Что я делаю, говорила она себе. Ведь это ужасно. Предаю его, как самая последняя дрянь. Оставила его в несчастье, а сама что же, поеду обедать с Дониловым и Полем Макова, который мне нравится, потому что он красивый и у него глаза и волосы одного цвета? А Билл там в поезде один-одинешенек.

И она вдруг рывком повернула маленького Билли назад. Ей так ясно представилось, как Билл сидит в купе, бледный и усталый и такой одинокий без своей Эмми.

- Я не должна, не могу предать его, - твердила она себе, и жалость волна за волной захлестывала ей сердце. Но только жалость - ведь он-то предал ее, ведь он тогда в Лондоне делал все, что хотел.

- Бедный, бедный Билл!

В нерешительности она стояла посреди тротуара, с последней, беспощадной ясностью понимая, как скоро она все это забудет и найдет себе оправдание. Она нарочно заставляла себя думать про Лондон, и тогда ее совесть успокаивалась. Но разве не дурно вспоминать это, когда Билл там в поезде один? Еще не поздно, еще можно успеть на вокзал, сказать ему, что она едет с ним. Но она все стояла на месте, и жизнь билась в ней, билась за нее. Тротуар был узок, из театра в это время хлынула толпа людей, подхватила ее с маленьким Билли и увлекла.

А Билл в поезде разговаривал по телефону, до самой последней минуты оттягивая возвращение в свое купе, потому что знал почти наверняка, что ее там не будет. Поезд уже тронулся, когда он вернулся, и действительно - в купе было пусто, только чемоданы в сетке и какие-то журналы на диванах.

И тогда он понял, что она для него потеряна. Он не обманывался - этот Поль Макова, и месяцы работы бок о бок, и одиночество - нет, то, что было, никогда не вернется. Он все думал и думал об этом, просматривая журналы, и постепенно ему стало представляться, что Эмми словно бы нет в живых.

"Она была замечательная женщина, - думал он о ней. - Редкостная. С характером".

Он прекрасно сознавал, что во всем виноват сам и что здесь сработал некий закон равновесия. Сознавал и то, что теперь, уехав, он снова уравнился с нею, стал не хуже ее; теперь наконец они квиты.

Несмотря на все, даже на свое горе, он испытывал облегчение оттого, что отдался во власть посторонних, высших сил; а от слабости и неуверенности этих свойств, которые всегда были ему противны, - не так уж страшно казалось, даже если там, на Западе, его ждет смерть. В конце, он знал, Эмми все равно приедет, чем бы она ни была занята и какой бы выгодный ангажемент ни получила.

1930